

ДРАМАТУРГИЯ

Нина САДУР

ОФЕНИ УШЛИ

Пьеса в 9 картинах с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Герман ТИТОВ, бизнесмен, за 40 лет

Зина ЛУЧКОВА, деревенская, под 40 лет

Валерка БАБЫКИН, деревенский, 20 лет

Дед АНДРЕЙКА, ничейный, забыл свой возраст

ТАНА, цыганка, 14 лет

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, красавица-агроном, деревенская, 30 лет

МОРИН, майор милиции, деревенский, за 50 лет

В эпизодах:

ФЕЛЬДШЕР. САНИТАР. МАЛЬЧИК ЛЕТ 8. Коты ЩОРСИК и ЧЕРНОМЫРДИН.

Наши дни

ПРОЛОГ

Зима. Сильная – сильная метель.

Мальчик лет 8 в нарядном костюмчике 60 годов стоит на стуле и, запинаясь, страшно волнуясь, забывая и не понимая слов, рассказывает стихотворение какому-то большому, жаркому празднику.

МАЛЬЧИК. (*обращаясь к «Вечору»*)

«Вечор, ты помнишь, вьюга злилась?

На мутном небе мгла носилась.

Луна, как бледное пятно

Сквозь тучи мрачные глядела

И ты... и ты... а нынче...

Ты погляди... печальная...

А нынче ты печальная ...

Сидела ты печальная...

Блестит... снег...

Мальчик разволновался, тут же рассердился и выпалил другое:

МАЛЬЧИК «А из нашего окна Площадь Красная видна!

А из вашего окошка – только улицу немножко!»

(*в отчаянии*) Папа, папа, карлики! Вот опять повсюду карлики! Карлики вылезают, плохие! Я боюсь карликов! Убей карликов!

Мальчик прыгнул со стула и убежал.

Метель осталась одна.

КАРТИНА 1

Косенькая деревушка Дракино. За нею свекольное поле. За полем на взгорье новорусский высится ложноготический замок.

Бедняцкий дом Зины ЛУЧКОВОЙ.

Но летний, буйно-цветущий сад с огородом, цветами, кустами, стайкой яблонь-белоножек. Знойно. Тихо. Пылают глодиолусы. Зреют маленькие яблоки. Июль. Жасмин.

Во двор входит Герман ТИТОВ. Это ухоженный, хорошо одетый, лысеющий и полнеющий господин с полными, какими-то обиженными щёчками. Вид нарочито-злобный, каверзный. Боязливо, как собаку, обходит непомерно толстого чёрного кота, без сил лежащего на солнцепёке.

ТИТОВ (*Коту*) Тебе чего? Я тебя трогаю? Чего тогда?!

На крыльцо выходит ЗИНА, миловидная смуглявая бабёнка. Глаза чёрные. И блестят.

ЗИНА (*с ходу голосит*) Я кумача вашего не просила у вас! Вы с Петра Елисеича спрашиваете, это он всю дорогу фасонил! На все праздники пинжак одевал с наградами. И на выходные одевал. Всё Дракино в курсе. Оно в курсе, что я в одном и том же всю дорогу, как ёлочка, и зимой и летом – одним цветом. Вы не пучьтесь глазами своими, не хлопайте веками, вы у людей спросите! А лично мне кумача вашего даром не надо!

ТИТОВ. Вы можете не вопить?

ЗИНА. Хочу – вопю!

ТИТОВ. А успокоиться вы можете? В принципе?

ЗИНА. В принципе – не могу.

ТИТОВ. А как же я тогда скажу

ЗИНА. (*подумав*) А ты не говори. Ты, господин-товарищ, иди своей дорогой. В ларёк. Слышь, «Столичную» чёрные завезли. Не отличишь!

ТИТОВ. Какого чёрт... Я не пью.

ЗИНА. Она в полтора дешевле, в ларёке-то, у чёрных. А-то в миг разберут. Дракинские, слышь, наши, первые, налетят. Потом «Малые Сапожки» притащатся. С болот со своих. Впрочем, я не думаю, чтобы «Весёлые Глазки» соблазнились. Нет, «Весёлые Глазки» у чёрных травиться не станут. Они у нас гордые! Они богатые! У них в каждом дворе по «Жигулю». Так вы чего смотрите? Дуй к чёрным! В полтора!

ТИТОВ (*слегка потрясённо*) Я не хочу в полтора! Я - к вам!

ЗИНА (*злясь*) А я не к вам!

Зина хочет закрыть дверь, Титов вспрыгивает на крыльцо, вставляет ногу в зазор.

ТИТОВ (*борясь*) Я не по кумачам!

ЗИНА (*взрываясь*) Мы простые люди! Мы в голой сосне хоронимся! Вы нам кумачи впариваете, а мы всю дорогу в простом ходим! А потом плотишь вам! Пожизненно.

ТИТОВ. У меня дело к вам. Очень приятное.

ЗИНА. А по лицу не скажешь. Так вы не ритуальные?

ТИТОВ. Наоборот!

ЗИНА. Я даже не знаю. Если честно, прямо не знаю я! Если вы из ритуальных услуг, я гроб не просила в кумаче. Хотите, выкапывайте, если совсем обнаглели. Но учтите – он участник ВОВ! Учтите – пехота!

Титов достаёт толстую пачку денег мелкими купюрами.

ЗИНА (*помолчав*) То ли я денег не видела! Проходите! Разувайтесь только! У нас мыто. (*Коту*) И ты, Черномырдин, иди в дом. Хватит шляться! (*голосит*) Мырдик! Мырдик! Мырдик! (*подхватывает чёрного кота*).

Титов и кот обменялись тяжёлыми взглядами.

КАРТИНА 2

В доме у Зины.

Уютно. Половики, Занавески. На открытых окошках вазочки с искусственными ветками яблонь, усыпанных цветами, хотя в эти же окошки лезут живые яркие летние цветы шольского сада. Стол покрыт чистой клеёнкой. Над кроватью коврик-гобелен: средневековый замок и олени, пьющие из ручья. Портрет пожилого мужчины в наградах ВОВ, траурная кайма. Лавка. Печка. Иконки в красном углу. За них заложены свечки и высохшая верба. Окошечки, открытые в сад, цветы в них свободно заглядывают. Ощущение, что дом прибрали в ожидании гостей.

ЗИНА (*церемонно*) Располагайтесь, где хотите!

Оба садятся за стол.

Черномырдин запрыгивает на стол, и ложится во всю свою длину.

Оба глядят на кота.

ТИТОВ Метра полтора будет в длину.

ЗИНА. А то! Даром что ли тянули?

ТИТОВ (*встревоженно*) Как понять?!

ЗИНА. Не бери в голову.

ТИТОВ (*слегка отодвинувшись*) Да кот ли? Такое прямо...

ЗИНА. Чем могу быть полезна, сударь?

ТИТОВ. Ах да, конечно... Словом... Как бы это сказать...

ЗИНА. Понять не могу, на что вам Зина Лучкова сдалась? Если вы, конечно, не ритуальные?

ТИТОВ Зина. Зинаида. Гражданка Лучкова. Я вам принёс три тысячи рублей.

ЗИНА. Спасибо вам огромное. Вы, я извинюсь, не контуженный?

ТИТОВ. Вроде нет пока.

ЗИНА. А-то у нас в Дракино все контуженные. Видите ли, любезный, воин вокруг нас тьмы – а мы одни посереёдке. Неловко, знаете ли, так притягивать к себе внимание...

ТИТОВ. Не одни вы. «Малые Сапожки». И эти... глядят которые... как эти, прям... из болот глядят...

ЗИНА Вы имеете в виду «Весёлые Глазки»?

ТИТОВ Вот чёрт! Я ведь вроде не пил сегодня!

ЗИНА Вы наше кладбище видели?

ТИТОВ. Зачем? Не люблю!

ЗИНА А ты сходи. Через «не люблю» сходи. Через «не могу» даже... Сходи, преодолев себя. Сходи, претерпевая естественную неприязнь к распаду. Сходи, это долг твой. Долг каждого. Всё равно там будешь. Заранее сходи. Лучше сам сходи. Ради смеху!

ТИТОВ Не пойду! Нет!

ЗИНА Сходи. Да.

ТИТОВ Хорошо. Схожу. Вот... Я пришёл, собственно, чтоб просить...

ЗИНА Правильно сделаешь! Ты впечатлительный? Если ты впечатлительный, то лучше не ходи...

ТИТОВ Так идти или нет?!

ЗИНА. Даже не знаю. Я на себя такую ответственность не возьму. Я тебе тут не советчица. Как сердце подскажет... Человек сам должен решать... Ты примешь правильное решение, я знаю. Единственное возможное... Хотя, кто тебя, собственно, спрашивать будет? Пойдѐ-ёшь... В кумачах- ли . нет- ли...

Титов вскакивает и бежит к двери.

ЗИНА. Куда вы?

Титов останавливается и в растерянности смотрит на Зину, потом возвращается и садится на прежнее место.

ЗИНА. Там тебе и ВОВ, и Афган, и Чечня, и разные засекреченные от народа мелкие войнички нашего правительства с окружающим его миром. А так народ всё простой лежит. Добрый. Прощённый. По драке лежит, по водке, по несуразице, по всякой бедняцкой беде.

ТИТОВ. А можно не ныть? В принципе, я потребовать могу!

ЗИНА. Можешь – требуй. Докричись! Достучись. Пускай они оградки обновят хоть. Ведь вся там лежит история нашей Родины. В миниатюре.

ТИТОВ. В чём?

ЗИНА. Маленького размера. Как образец.

ТИТОВ. Я знаю, что такое миниатюра. Какой-то безконтрольный разговор у нас. Скачем с одного на другое... Мотаемся, как эти прям...

ЗИНА. Что ты, что ты! Ты пойдёшь, сходи к «Весёлым Глазкам». Наведайся... Вот у них скажут. Врать не буду – мотаются. Потомственные скакуны. Но их понять можно – их утягивает...

ТИТОВ. Я нажать могу. Не хочу. Но могу. Ненавижу даже. Но могу. У меня очень-очень солидные связи.

ЗИНА. И у меня солидные. Молодец, что решился. *(внезапно голосит)* Ой, да как же эти деньги пришлись-то! Как свалились-то! Вот справедливость! Вот её торжество! *(портрету)* Видишь, Пётр Елисеич, помнят о тебе люди –то!

ТИТОВ. Кто такой Пётр Елисеич?

ЗИНА. Ты правда хочешь знать?

ТИТОВ. Нет.

ЗИНА. Нет, ты, правда, хочешь знать?!

ТИТОВ. Да нет же, нет! Сорвалось с языка... Так просто...

ЗИНА. Знай же! Не жалея потом. Обратного не будет пути. Тебя за язык никто не тянул!

ТИТОВ *(нетерпеливо)* Ну?!

ЗИНА. Вот он – Пётр Елисеевич! Гляди ему в глаза!

Титов смотрит на портрет.

ТИТОВ. Ну и что?

ЗИНА. А как же вы догадались-то, господин-товарищ? Или сердце подсказало?

ТИТОВ. Какое сердце? У меня... в голове порой шумит. У меня внутричерепное давление. Мне нужен покой и простор. Нужны. *(раздражаясь)* Я их, кажется, заслужил!

ЗИНА. А всё же молодец, что пришёл, молодец. Стукнуло тебе сердечко твоё невинное, что сегодня 9 дней Петру-то нашему Елисеичу. Новопрестьянскому.

ТИТОВ *(глядя на портрет)* Какой-то он у вас пучеглазый.

ЗИНА. Какой же он тебе пучеглазый? Всё! Он уже не пучеглазый, ни рябой и ни вот этой бородавочки ни-ни-ни... Было – не было. Как корова языком слизнула. Он уж бестелесный. Вот так-то, Пётр Елисеич.

ТИТОВ. У меня очень крупный бизнес. Я незлобивый, мягкий, даже интеллигентный человек. Я не бандит, кстати, ненавижу их, мне в принципе претит любое проявление насилия. И вот – я пришёл к вам!

ЗИНА *(шёпотом)* Самые строгие дни. Великие мытарства наш Пётр Елисеич проходит. До самых сороковин. Поэтому и поминать надо со всей душой.

Входит Валерка БАБЫКИН. Когда он волнуется, то сильно заикается. Ходит колченого, мотаясь во все стороны, будто переболел слабой формой церебрального паралича.

Валерка ставит на стол бутылку.

ВАЛЕРКА. Здрасьте всем! Вот! На девять дней держал. Удержал!

ЗИНА. Валерка! Не поверишь! Да где тебе! (Титову) Он такой – короче – Бабыкин он. Сами понимаете!

ТИТОВ. *(с сарказмом)* Естес-ственно!

ЗИНА. *(Бабыкину)* Видишь, что про тебя люди говорят?

ТИТОВ. Я что-то сказал?

ЗИНА. А им чихать! Бабыкинские все такие! Гусь нещипаный! По мужской линии.

ВАЛЕРКА. М-можно хоть с-сказать-то тё-ё-еть Зин?...

ТИТОВ. Нельзя. Здесь только Зина говорит. Лучкова. Зинаида. Улица Лобачевского, дом 3.

ЗИНА. Ты бы поучился, Валерка, как с женщиной разговаривать! А-то вид у тебя... где валялся, товарищ, где твой образ человеческий?

ВАЛЕРКА. В-вечно вы, т-тётъ Зин! Обидно всё-таки! Н-ну чо опять Бабыкины-то? В-вот сейчас-то чо Ба-абыкины? В данный момент?

ЗИНА. Да отстань ты! (Титову) Встаньте, товарищ. Покажитесь. Вам нечего стесняться!

ТИТОВ. Хорошо. Я даже встану. Но потом – скажу!

Титов встаёт.

ВАЛЕРКА. Из ритуальных? А ты докажи про кумач? Ищи кумача! Тю-тюшки кумач тебе!

ЗИНА. Вот оно, попёрло! Видишь?! Бабыкинская кровь! Увидел человека – в миг урыл! И ревёт, и воет, и мотается, и скачет...

ТИТОВ. Я могу сесть?

ЗИНА. Нет ещё! Пусть он увидит человека, Бабыкин этот! Это ж срамота, а не Валерка! Я ж его с пелёнок знаю, и такое говно из этого выросло!

ВАЛЕРКА. Вы не слушайте тётъ Зину, я сразу увидел – нормальный человек! Мы добрых людей любим!

ТИТОВ. Я заслужил, чтоб сесть. *(садится)*

ЗИНА. Садись!

ТИТОВ. Сижу уже. Так вот...

ЗИНА. Сиди.

ТИТОВ. Так вот...

ЗИНА. Отдыхай пока...

ТИТОВ *(взрываясь)* Простите, э... Зинаида, а мы давно на «ты»?

ЗИНА. Только что.

ТИТОВ. Ладно. *(озирается)* Мило. Мне нравится. Всё это – нравится.

ЗИНА. Он «мило» сказал. А сам, чтоб ты знал, Валерка, - он денег подарил!!!

Титов встаёт.

ЗИНА. Сядь.

ВАЛЕРКА. Врёт!

ЗИНА. Не врёт! Сядь!

ТИТОВ. Врёт! Хочу – стою!

ЗИНА. Валерка!

ВАЛЕРКА. Вру!

Титов рушится на стул.

ЗИНА. На поминки принёс. В руках!

Оба усталились на Титова.

Не все люди, как ты, Бабыкин. Мир – на вот таких держится. Узнал. Пришёл. Принёс. *(Титову, ласково)* И ничего больше объяснять не надо.

ВАЛЕРКА. Не надо! Хороших всё равно больше, чем говнюков!

ТИТОВ. Я деньги принёс...

ЗИНА *(мягко, прерывая)* Оценим мы это, товарищ. Хотите, я Мырдика сгоню со стола?

ТИТОВ. Хочу!

ЗИНА. Я ведь заметила, вы с ним не очень... Я глазастая! Иди, Мырдик, иди, сына моя хвостатая, иди, погуляй, птичек подави... *(выбрасывает кота во двор)*.

Зина глядит на водку.

(Валерке) Ты где её брал?

ВАЛЕРКА. У Славки Смоложуя.

ЗИНА. Не врѣшь?

ВАЛЕРКА. Я что, рѣхнутый?!

ЗИНА. У чѣрных не бери, Не зарься, что дешевле. (*осеклась, Титову*) Мама моя родная! Я ведь вас чуть не убила, товарищ!

ТИТОВ. Господи!

ЗИНА. У чѣрных не берите, товарищ! Брали уж! Вот Валерка знает. Пять человек умерло! Включая и тебя, Пётр ты наш Елисеич!

ВАЛЕРКА. Чѣ попало! Они людей уже водкой убивают! А менты только ржут, типа, что алкашей поубавилось. Опупели совсем!

ЗИНА. Что ты брешешь, Валерка? Брешет он, Бабыкинская кровь! Вы, Бабыкины, одни хорошие, а все кругом виноватые!

ТИТОВ. В каком смысле – чуть не убила?

ВАЛЕРКА. Ничо не виноватые! Я правду говорю!

ЗИНА. Какую правду? (*Титову*) Будь свидетель, товарищ! (*Валерке*) Свояк из Ростова – алкаш тебе?! Афган прошёл, вся грудь в наградах. На хлебзаводе шоферил, помер ни за что... трое сирот за ним остались! (*Титову*) А с нашей улицы Лобачевского, товарищ, услышишь, не поверишь! – Владимиваныч, пенсионер, у него сад-огород видали? Алкаш он тебе? К тому же он и сам участник ВОВ, и тоже – пехота! У нас все ВОВцы – пехота!

ТИТОВ. В каком смысле – чуть не убила?!

ЗИНА. Супруга у него, правда, неприятная особа. Не любила, что мы дружили огородами. Дура ревнивая. А где теперь эта Маша? Только мы с ней помирились!..

ТИТОВ. В каком смысле – чуть не убила!!!

ЗИНА. Валерка, а детдомовский, помнишь, рябой такой, тихий, после армии, не женился, ничо...

ВАЛЕРКА. Толик с лесопилки?!

ЗИНА. Ну! Все умерли! Как один.

ВАЛЕРКА. Все умерли. Сам видел!

ТИТОВ. В каком смысле – чуть не убила!..

ЗИНА. Вот, Пётр Елисеевич, как твои день рожденья праздновать! Так не убила же!!! Ну, за упокой. Стой! Ты, точно, у Смоложуя брал?

ВАЛЕРКА. Я что, опупел? У кого тогда брать? Всѣ Дракино у Смоложуя берѣт. И Малые Сапожки! И Весѣлые Глазки! Наученные уже! А чѣрных там и нет уже, тѣть Зин! У них ларѣк спалили! (*разливает водку*).

ЗИНА. Ну, за упокой!

ТИТОВ. Я воздержусь.

ЗИНА. Ты что, нерусский?

ТИТОВ. Хорошо, земля – пухом. (*опрокидывает рюмку*).

Все на него смотрят.

Подождали.

ЗИНА. Пить можно.

Титов передёрнулся.

Зина и Валерка выпивают.

ЗИНА (*ласково*) Теперь скажите, товарищ, как нам вас величать!

ТИТОВ. Герман Титов. Не космонавт. Папа захотел. В честь. Дерзновенная мечта. Кстати, сегодня годовщина, как умер.

ЗИНА. От водки?

ТИТОВ. От... укуса. Его укусили. Он был номенклатурный работник.

ЗИНА. Горе какое!

ВАЛЕРКА. А зубы? Какие у родителя были зубы?

ЗИНА. Да?!

ТИТОВ. Что за бред? Нормальные. (*вспоминает*). Мелкие, белые, крепкие зубы! Зубы отца моего... В конце-концов это его укусили.

ЗИНА. (*Валерке*) Да?! Сдурел ты, мил-друг, вот что! Начѣрта ты про зубы-то?

ТИТОВ. Зубы... его же укусили, а не он... Белые.

ВАЛЕРКА Отца потерять – лучше самому удавиться!

ЗИНА. Вот ты и есть опять Бабыкин. Хоть тебе и двадцать лет! Учти, дети должны переживать отцов! Обязаны!

ВАЛЕРКА Мы и переживаем!

ЗИНА Я что-то не пойму, ты наглеешь или нет?

ВАЛЕРКА. Нет!

ЗИНА Герман Титов. Давайте же, Герман Титов, и вашего родителя помянем, раз так замечательно совпало. Валерик!

Валерка разливает.

ТИТОВ. *(с запоздалым любопытством)* А покойный, Зинаида, он вам тоже отец... был?

ЗИНА Муж мой.

ТИТОВ Муж твой?

ЗИНА Я в 16 вышла. Я санитаркой работала в детском интернате. Сейчас там казино. Знаешь – нет?

ТИТОВ. Это не я!

ЗИНА. Не ты?

ТИТОВ. Я по лесу... торгую... пшеном... порт у меня... железные дороги...

ЗИНА. Какой лес у нас был там!

ТИТОВ О Господи!

ЗИНА Мы ж в самом лесу стояли! Сосняк!

ТИТОВ Лес и сейчас там. Я гулял!

ЗИНА. Это лес? Люд там теперь азартный – повыгрыз всё! Это теперь – плешь. Игроки!

ТИТОВ. Никогда не играл! Склонности не имею. Я спокойный, мягкий, даже кроткий человек.

ЗИНА. А в том печальном месте мы с Петром Елисеичем и нашли друг друга. Среди сироток - уродиков.

ТИТОВ. Уродов боялся с детства. Всегда казалось – по их лицам – что их зачинали в чад, в дыму, под гром духового оркестра, и сыпались искры повсюду.

ЗИНА. А замуж я вышла по любви, хоть и за пожилого человека.

ВАЛЕРКА. Тёть Зин, вы мне как родные...

ЗИНА Глупыш ты, Валерик, дитё. *(Титову)* Двадцать лет всего парню-то. Эх, Пётр ты наш, Елисеевич, не послал нам Бог детей, а работали мы с тобой с сиротками-уродиками. Такие они милые, такие разные. Умирала только быстро. Не хотели вырастать.

ТИТОВ Карлики не могут расти!

ВАЛЕРКА. Ты закусывай, а?!

ЗИНА. Вот, только Валерка наш до сих пор живёт.

ТИТОВ Всё-таки я чего-то недопонимаю. Как будто в голове что-то мерцает. Это деревня Дракино? Мне из окон видно – вас?

ЗИНА Да что это я! Всё про себя, да про себя! Твоего-то родителя, Герман Титов... как вашего родителя величали?

ТИТОВ А вам зачем? Андрей Фёдорыч. Обыкновенно.

ЗИНА Покойся с миром, дорогой ты наш Андрей Фёдорыч.

ВАЛЕРКА И спасибо тебе большое за сына. Вырастил ты человека!

Пьют

ТИТОВ Видимо, вы удивительно добрые люди. Впрочем, мой отец был достойным человеком.

ВАЛЕРКА. Везёт тебе. А у меня нет отца. У меня никого. Пелёнки. Сосны. Какие-то лица сверху... Молочная пелена сиротского младенчества. Идиотия. Ножки только мёрзли... Некоторые считают, что дети-уроды рождаются от демонов.

ЗИНА Брехня! От генетического сбоя.

ТИТОВ У меня теперь тоже никого нет! Но я не хнычу. Как некоторые.

ЗИНА . Всё правильно, Валерка! У нас двое покойников, а мы, как эти... На тебе пол денег! Бери всё! Беги_купи всего! Чтоб было! Поминать будем!

ВАЛЕРКА. Я уж сам про это думал! (*сгребаает деньги*) Мы за них поедим-попьем, им полегчает на том свете... Да, тетя Зин?

ЗИНА Бабыкин! Трепло. Деньги взял? Дуй!

Титов как-то болезненно содрогнулся при виде уходящих денег, но осенний какой-то идеей, затих вдруг. Валерка рассовал деньги по всем карманам.

ВАЛЕРКА. Так я пошёл?

ЗИНА А ты ещё здесь?

ВАЛЕРКА. Уже нету меня!

ЗИНА. Стой!

ВАЛЕРКА. Опять – вот он я!

ЗИНА. Ты сервилатику купи. Ветчинки. Шоколадок на сладкое. И винограду – дамских пальчиков. У чёрных виноград и груши купи, дюшес; купи гранатов.

ВАЛЕРКА. Я извиняюсь,. А запивать?

ЗИНА. У Смолочужа, у Славки. А-то брали уже у чёрных-то – вот теперь – запиваем!

(*Титову*) Да вы не грустите, мы весело помянем!

ВАЛЕРКА. Так я пошёл?

ЗИНА. Гад ты, что ли?

ВАЛЕРКА. Исчез! (убежал, путаясь в ногах).

ЗИНА (*Титову*) Жизнь у нас в Дракино текёт медленно.

Титов мрачно молчит.

Правильно. Минута молчания. Не каждый день близкие люди умирают.

ТИТОВ Зубы были – обыкновенные!

ЗИНА. Если зубы у тебя болят, то мы можем. Полуклинику у нас сломали, так мы сами успешно лечимся.

ТИТОВ Я абсолютно здоров.

ЗИНА А я вижу! Ты вот скажи мне, Герман Титов, вот самолёты стали каждый день биться. Может они рулить разучились? Или... запрет какой вышел на полёты в небесах?

ТИТОВ Мой отец, Андрей Фёдорович Титов, работал в КГБ. Он жёг запрещённую литературу. Прямо во дворе КГБ. Оно стояло буквой Г. А я маленький, таскал из огня книжки. Они были опасны для государства, и папа их жёг по заданию партии. Я же невинно азартно таскал, ласкал горячие страницы. Огонь возбуждал детский неокрепший организм, и смертельно поражали смятенно мятущиеся чёрные в алом буквицы. Бесповоротно грозно они уходили в никуда. Уходили, как советские войска в сорок первом. Ещё виделась птичья голова с тонким длинным клювом. Клюв сглатывал слёзоньки детоньки. Птица дремала. Пел огонь. Отец мой сухощавый высился по ту сторону пламени. Загадочна была ярость его. Я приближался к огню всё ближе и ближе, ближе и ближе. Серые глаза отца смотрели на меня сквозь пламя, не мигая. Я мечтал стать для отца интересным. Меня вынули из огня. Органы удивлялись – ожоги где? Некая длинноклювая птица охватила меня серыми крыльями – дымом... в пламени шелестели спелые книги. Птица пела вот так: а-а-а-оо-еее... Всё КГБ меня баловало. Я брал любые книги из огня. Я был дитя. Мне разрешали.

ЗИНА Прямо уже летать страшно.

ТИТОВ Мне снятся сны.

ЗИНА Может запретили летать, а люди ещё не знают?

ТИТОВ Океан. Небо. Из океана в небо немислимых объёмов ледяной столб. Это нестерпимо красиво. И страшно. Почему? С пяти лет. И он прозрачен. Неизмерим в прозрачной глубине. Вода – плоть без разума. Лёд – муж воды?

ЗИНА. За людей страшно. За девушек – бортпроводниц. С неба навернись-ка... В синей юбочке. В туфельках-шпильках. Врагу не пожелаешь. Кувырк-кувырк – а если я как раз внизу тут прямо и стою?!

ТИТОВ Я простор люблю. В просторе – тихость. Ищу везде. Татарскую степь ненавижу, боюсь до усрачки. Простор среднерусской прибитой низины. В ней моя тихость. В ней покой левитановых рощ. В ней Алёшунка-дурочка товарища Васнецова. Выпуклые богатыри. Я патриот. Тишайшей неразгаданнейшей страны. Но тихость только во сне. Она в шерстяных нос-

как. Шур-шур. Страшно. С пяти лет вздрагиваю. Почему? Я ведь живой человек. В чём-то – как все...

ЗИНА. Слушай, Герман Титов, давай Америку помянем? Снится плохое об ней.

ТИТОВ. Я не пью. Алкоголь искажает восприятие. А я хочу всё видеть чётко и ясно. Я хочу понимать хоть что-нибудь.

ЗИНА. Давай, пригубь хоть! За здоровье.

ТИТОВ. Хорошо. Пригублю.

ЗИНА. Будь здоров, США!

Вытили.

ТИТОВ. Я зачем про свои сны рассказываю? И чего я тут жду? А иногда я кажусь себе маленьким злым гномом-карловидным. А детей у меня нет. Холост. А в груди у меня застряло рыдание. Напился-таки, идиот...

В это время происходит два события. С печки скатывается какое-то чудище, а на плечо Титова вспрыгивает облезлый, весь в пятнах зелёнки, кот.

ТИТОВ (*напряжённо*) Это кто на мне?

ЗИНА. Точно – не ритуальный! Щорсик подлянку чует! К чужому ластиться не станет! Честный вы человек, Герман Титович!

ТИТОВ (*тихо*) Убрать!

ЗИНА. А зря! Я его зелёнкой мажу. Он своим лишай не передаст. Бриллиантовой зеленью!

ТИТОВ. Задавлю!

ЗИНА. (*пугаясь*) Иди, Щорсик, иди к матери к своей, иди, сына моя хвостатая. На вот, полежи на подушечке.

Зина бросает кота на кровать.

Старенький совсем. Слепой. А усы всё-ж-таки славные!

Пугало с печки подбрело к Титову.

Титов делает защитный жест.

АНДРЕЙКА. (*Пугало*) У нас баня сгорела

ЗИНА. Опять врёт! Она сгорела, но ты, Андрейка, говоришь, как врешь!

Дед Андрейка долго взбирается на табурет за общим стол.

АНДРЕЙКА. Когда баня горела, покойник, Пётр Елисеевич, сильно убивался. А потом привыкли – в речке моемся. Зимой моржуем.

ТИТОВ. Он – кто? Он – человек?!

ЗИНА. Он врёт. К Елене мы ходим мыться, к агрономше нашей. Красавица. Такая красавица! И справедливая!

АНДРЕЙКА. Теперь ты врешь! Красавицы справедливыми не бывают. Вихревой каприз – они!

ЗИНА. Елена за станцией живёт. В квартире. Что ты! У ней ванная! Духи! Зеркала! Всё Дракино к ней ходит на помывку. По графику.

АНДРЕЙКА. Старый я. Не помню я, сколько мне годков. Не помню лет своих.

ЗИНА. А ты не томись. Живёшь и живи!

Титов вскакивает, подбегает к окну.

ТИТОВ. Вон, вон, за полем, на взгорке – мой дом!

Зина подбегает к окну, смотрит, потом – на свой гобелен.

ЗИНА. Это не дом. Это интервенция. Сроду на Руси таких домов не было! Русский барин ленив был, у него усадьба низкая и длинная. Его в твои разные башни калачом не заманишь. Вот, Тит, глянь – коврик трофейный, Пётр Елисеевич с Германии привёз. У них – да! А я всё думаю – кто этот замок нерусский выстроил?

ТИТОВ. Я хотел – высоко. Чтоб простор. Чтоб воздушные слои омывали. Чтобы свет сиял от утра до вечера. Чтоб среди звёзд летнего русского неба самолётик мирно мигал... И я на диване. Неторопливые мысли о разном. Благородные книги. Чай с булочкой. А к окну подойду – ваше Дракино кособокое в низинке валяется. Сердцебиение сразу, нервы, изжога...

ЗИНА. Наше Дракино низенькое, Тит Германович. Ты поверх нас смотри.

АНДРЕЙКА. У царя, помню, у Николая Второго – вот такие усы! Или у Первого? Который глазастый ещё был? Пучился всю дорогу? Глянет – душа в пятки.

ЗИНА. Ври, Андрейка, ты столько не живёшь!

ТИТОВ. Я специально на возвышенности построил. И все эти башни – ещё больше вверх! Я хотел, чтоб простор днём был. Чтоб воздушные слои ласкающе передвигались над спелой и нежной землёй. Чтоб замкнутой ночью, я, маленький, карлообразный, не очень боялся. Когда из океана – вонзается в небо ледяное неизмеримо грандиозное столбище, сияющее насквозь сине-зелёною вздыбленной бездной, я бы – скок с кровати, пробежался до тумбочки, тянул рюмашку горючей водчонки и быстренько юркнул бы под одеяло пуховое... зная, что утром омоюсь я умилительно ласковой зорькой, июльской и тёплой... - во все стороны – свет и я, свежеумытый – чай в окошечке пью!

АНДРЕЙКА. Живу.

ЗИНА. Ну и живи.

АНДРЕЙКА. Ну и буду.

ТИТОВ. Ночью простор -не -простор. Бездна он. А днём приятный. Поля. Вьюнки. Даль.

ЗИНА. Через нас смотри в даль. Мы пригнёмся.

ТИТОВ. Почему я временами гном? Карлообразный. Хоть и богатый. Я все книжки прочитал опалённые. Одно и то же – все ищут простора. А сами – гномы. Правильно папа их жёг. В итоге он и заботился о народе своей страны. Хотя народ КГБ не любит. Даже не всегда удобно сказать, где твой папа работал.

АНДРЕЙКА. А я видел, как человек горел.

ЗИНА. Врёт!

ТИТОВ. Писатель?

АНДРЕЙКА. Китаец. В Китае это было.

ТИТОВ. А в моих снах этот ледяной столб поднимается из океана, достигает неба и снова погружается в пучину. И тогда члены мои пронзает смертная тоска. Я просыпаюсь - эхо убеждает от меня. Я один, и подушка в слезах.

АНДРЕЙКА. В позатом веку жгли того китайца. Орал он сильно. На Великой Китайской стене это было.

ТИТОВ. Ночью я кричу. Но поймать свой крик не могу. Проснусь – только эхо. Оно гуляет в доме, а я лежу и молчу уже. Не догнать.

ЗИНА. Андрейка, ты мне человека вдребезги размотал всего!

АНДРЕЙКА. Всех видел! Царей видел! Пугача – как ему ноздри рвали, а потом уж косточки чёрные дробили – видел. Глыбже взглядывал. Соловьёшку в гнездище его поганом видел... Княгинюшку чернокошую Олюшку с голубкой у губочек... Я их видел – а они меня – нет. Я незаметный человек.

ТИТОВ. Скажите мне, Зина, этот старик, он болен шизофренией? Или, как я – страдает сновидениями?

ЗИНА. Ты не поверишь, Титович, с пелёнок его знаю. Всё старик. Всё Андрейка. И шапка заячья. Весь год.

АНДРЕЙКА. У старых людей уши мёрзнут. А темечко опять худое, как у младенцев. Показать?

ТИТОВ. Не надо.

АНДРЕЙКА. Так поверишь?

ТИТОВ. Так поверю. Я старость, чёрт, уважаю!

ЗИНА. Ещё Пётр Елисеевич говорил – Зина, Андрейка притащится, пускай живёт, сколько хочет. Не спорь даже! Супруг велел – я выполняю.

АНДРЕЙКА. Зин, он наивный?

ЗИНА Тимтович, что ль?

АНДРЕЙКА «В честь».

ЗИНА. Наивные дети. А «В честь» - то ли гном, то ли нервноистощённый олигарх.

ТИТОВ. А почему мне не дико вас слушать? Своеобразное какое-то чувство охватывает... *(вспомнил)* А я ведь пришёл-то... дело у меня... деликатное.

ЗИНА. Ясное дело. Отца помянуть! Ну, надо ж, как совпало! Нашему-то девять дней. А вашему – весь год! Притянуло, значит!

АНДРЕЙКА. Зина, у него в глазу рябь.

ЗИНА. Уж рябь сразу!

АНДРЕЙКА. Говорю – рябь!

ТИТОВ. А я и не говорил, что я не мошенник! Что не бандит – да! А мошенник – мне бизнес делать!

ЗИНА. И делай.

АНДРЕЙКА. Что, своё дело? Палатка с вином?

ТИТОВ *(Зине)* Я пришёл вас обмануть.

ЗИНА. И обмани, Тит Германыч! Раз хочется, так и обмани! От всей твоей души. Размахнись!

АНДРЕЙКА. А палёную водку не ты продавал, штоб наши все умерли?

ГЕРМАН. Я что, идиот?

АНДРЕЙКА. А я знаю?

ГЕРМАН. Я такими мерзостями не занимаюсь. Тем более такой мелочёвкой. Я дороги строю. У меня речной порт. Корабли. Я лес рублю. Какой мерзостный старик.

ЗИНА. А я согласна! *(Андрейке)* Отлепись, прилипало!

АНДРЕЙКА. А где им тогда жить, если ты дерево срубишь, Оне ж крылатые.

ТИТОВ. Язва у меня. А так бы я напился. Вы зачем моё имя коверкаете?

ЗИНА. Это не твоё имя. Под ним другой человек просиял.

На лавке, где, казалось, лежит куча цветных тряпок – движение. Встаёт хорошенькая девочка-цыганка. ТАНА.

ТАНА. Тётя, цыгане не приходили?

ЗИНА. Пока не приходили, Тана. Они в Румынии. А у нас человек новый. Тит. В честь ракеты!

ТАНА. *(Герману)* Деньги есть? Кушать есть?! Помогай – помогай!

ЗИНА. Тана!! Он во сне кричит! Его небо зовёт!

ТИТОВ. Я не космонавт. И я не Тит. Герман Титов и всё!

ТАНА. Тётя, это по картам?

ЗИНА. Нет – в честь!

ТИТОВ. Зачем нужна цыганка? Я – честный мошенник. Я начитанный, образованный человек. А это – черновлажное лепестковое мельтешение – в миг обчистит!

ТАНА. Наши цыгане богатые. Люли.

АНДРЕЙКА. Я видал люлей. Весёлые.

ТАНА. Старик! Дедушка. Цыгане ни для кого. Они идут сквозь. Они, как песок.

АНДРЕЙКА. Ась? Тана, дочка, уши у меня заросли. Ори прям в голову.

ТАНА. А я цыганкой была, всё-всё умела. Шпагат. Двойное сальто. Воровать умела. А теперь забыла. Тётя, теперь я кто?

ТИТОВ. Гном, кажется. Ну. Конечно, смугло-кудрявый гном!

ТАНА. Гном – это кто такой? Это русский? Это не цыган уже? *(смотрит на свои ладони)* Где, куда идти – я не ведаю. Я не хочу быть русским. Я цыганская дочь! Я не люблю русских!

ТИТОВ. Будешь, как миленькая! А что любишь – такого не будет!

ТАНА. Почему? Тётя, почему он так горько сказал?

ЗИНА. У него язва желудка.

ТИТОВ. Потому, дура цыганская, что ни у кого нет, что он любит. Ни у кого! В мире!

ТАНА. А что тогда есть?

ТИТОВ. Течение, дура, жизни.

ТАНА. У всех гробы тёмные. А у цыганов светятся.

ТИТОВ. Врёшь!

ТАНА. Дай денюжку, скажу.

ТИТОВ. Не дам. Я олигарх. Мне это тяжело. Я даже у психиатра пробовал лечить эту океанную страсть к деньгам.

ТАНА. Ну и как?

Титов молчит.

Хорошо, я тебе даром скажу, жадный русский. Цыган хоронят в стеклянных гробах.

ТИТОВ. Спящие красавцы?

ТАНА. Да! Спящие красавцы! Им невмочь в темноте, невмочь!

ЗИНА. Товарищ Тит, она маленькая, она контуженная. Дитё же.

АНДРЕЙКА. Когда я был маленьким, я в другой стране жил. Забыл – где. Вроде – здесь, только чуток повыше. Как найти такое?

ТИТОВ. В итоге я понял. Или вы издеваетесь все, или глубоко несчастные люди. Хоть и в противном обличье.

ТАНА. Русский, дай денюжку?

ТИТОВ. На тебе рублик.

Титов даёт Тане монетку.

Тана играет монеткой.

ТАНА. Тётя, я боюсь, цыгане вернутся, они вас обворуют.

ЗИНА. Тана, цыгане по-другому не могут.

Герман. Вот, вы, Зина, даже и не спросите, как же я решил вас обмануть?

ЗИНА. Гера, не обманул ещё? Я уж думала – позади это.

Герман. Мне нужен простор.

АНДРЕЙКА. А правда, чё-то счастья нигде нету!

Герман. Мне не нужно вашего счастья, старик в заячьей шапке! Простор. Необъятный.

ТАНА. Пустыня – простор. Кара-Кумы.

АНДРЕЙКА. Тихий океан – простор. То – бедуины. То – водоплавы.

Герман. Нет-нет! Поля и небо! Среднерусский – умеренный дневной простор. То зной, то вдруг унылая прохлада. Трава в простых цветочках. Лишь безобразит вид ваш дом!

ТАНА. Как они там, в Румынии?

Тана садится на лавку и нижет бусы из ягод рябины, нащёптывая на каждую ягоду.

ТИТОВ. Это зачем она так?

ЗИНА. Это цыганская контузия.

АНДРЕЙКА. А в этих полях умеренных не заплутаешь? Может пустыня послабже будет?

ЗИНА. Мы с покойником, Петром Елисеевичем, Тану-цыганку в поле нашли. Табор ушёл, а она лежала одна. Девочка.

АНДРЕЙКА. Было время весёлое, русский барин заскучает среди полей-то и на цыган выpretся. рубаху рванёт на груди. До тла промотается. Чибиряшечка!

ЗИНА. А ты откуда знаешь?

АНДРЕЙКА. Знаю. Пуля в лоб.

ЗИНА. Врёт он всё! Короче! Лежит девочка в Иван-чае, а у самой голова липкая. У цыган волос густой, кучерявый, мы даже не сразу рану нашли. И тело всё... сволочь какая-то бешеная искусала всю. Мы с покойником в больницу, а у ней страховки нету. Тогда мы сами. И коза наша Милка. Втроём выходили цыганку.

ТАНА. Правда, тётя, правда! Помню, чёрный такой, зубы железные. Навис. Я укусила. Он ударил. Не помню.

Тана от волнения грызёт свои бусы из рябины, съедает одну ягоду.

Герман (*трёт виски*) Так. Так. Так. Ну что ж. Всё это очень интересно, уважаемые... скажите мне, Зинаида, я вам давал три тысячи рублей?

ЗИНА. Давал.

ГЕРМАН. Все слышали?

ЗИНА. Все.

ГЕРМАН. Где они, три тысячи?

ЗИНА. Сейчас придут.

ГЕРМАН. Так кто у нас наивный?

АНДРЕЙКА. Ты! Ротозей! Ухошлѐп!

ТИТОВ. Я-то в порядке! А денюжки – где?

ЗИНА. Простите вы нас, Германида Титовна! Мы стараемся, угождаем, как можем.

ТИТОВ. А я вам вот что скажу. Эти деньги украли! Плевать, что вы обзываетесь!

ТАНА. Врёшь! Я не брала! Сволочь! Титя сучья! Чтоб тебе покойница грелкой была! Чтоб тебя в мокрой земле хоронили! Чтоб ты ссал и Тану вспоминал!

Тана прыгает в погреб.

АНДРЕЙКА. Титюшка Германская, я лично денег в руках не держал с одна тыща семьсот...

ГЕРМАН. Молчать! Всем молчать! Деньги украл урод Бабыкин!

ЗИНА. Свѣклу. Это всё Дракино ворует. Красавица Елена – агроном кричит – свекла пестицидная, перетравитесь! Бабыкины особо охочи до свѣклы. Они на голову слабые по мужской линии. Товарищ Германович, денег Бабыкин не крал. Денег в Дракино никто не крадёт. В Дракино денег нету.

ТИТОВ. А мои три тыщи?!

АНДРЕЙКА. А чѐ твои три тыщи на наших на просторах?

ЗИНА. Вот придѐт Валерка, я ему шею намылю, что ждатель заставил.

ТИТОВ. В бегах он уже... Я чувствую...

Входит Валерка весь в колбасе и свѣртках.

ВАЛЕРКА. Вот он я! Киш-миш даже нашѐл! Чѣрные жадные, но Бабыкины жаднее! Сбил-таки цену! Помянем с миром!

ТИТОВ. А теперь слушайте. Я вам деньги дал – вы взяли. Назад пути нет. Вы колбасы купили. А я вам впрок дал, чтоб вы жили потом, чтоб дом ваш сломать, а у вас деньги были. Из моей башни мне на вас смотреть противно. Я хочу холодную природу видеть, а не вашу мучительную избѣнку. А про хрустали и океаны я наврал для смеху. Для поддержания идиотского разговора. У меня серьёзный, холодный характер, будьте уверены! Миллионер я и бизнесмен. Я хочу отдыхать красиво. Чтоб к завтрашнему дню вы из этой халупы съехали. Слышите рокот? Это бульдозеры идут. Здесь будет ровно. Здесь будет газон. Возможно, розарий. И уж несомненно – фонтан!

Герман уходит.

Все потрясѣнно выпивают.

КАРТИНА 3

Ночь. Полнолуние. Река. Высокие травы. Кусты. Ивы. Нескончаемое лето.

ГЕРМАН прячется в кустах.

Входит ТАНА.

Тана снимает юбку, полощет её в реке, развешивает на кусте.

ТАНА. Ляля.

Тана снимает вторую юбку, полощет её в реке, развешивает на другом кусте.

ТАНА. Сона.

Тана снимает третью юбку, полощет её в реке, развешивает на третьем кусте.

ТАНА. Лорина.

Тана снимает четвертую юбку, полощет её в реке, развешивает на четвертом кусте.

ТАНА. Зара.

Тана остаётся в белой рубашке. Входит в воду, окунается с головой, выходит. Разводит руки в стороны.

ТАНА. Теки, вода, по белой рубашке, по цыганскому телу, по... как дальше? Забыла...

Тана злится, сдирает рубашку, топчет её.

Тана нагая. На груди шнурок. На шнурке рублик, подаренный Германом.

Тана успокаивается, принимает важную позу.

ТАНА. Гипотеза! Цыгане вышли из Индии. Догадки. Домыслы. Размышления. Сидят в своих домах под лампами, пишут глупости про цыган.

Цыгане идут, идут, идут. У цыган нет богов, совсем ни одного. У цыган золота много. Они воруют детей. Цыгане никогда не умирают, потому что идут, не останавливаясь. Цыгане отличные воры. Цыгане ничего не знают. Цыгане гадают наугад. Цыгане пляшут и поют. Пляшут вот так вот.

Тана пляшет.

Заметно движение в кустах.

ТАНА. Перестань же ты ходить за мной, горестный Бабыкин! Ты ведь знаешь, я цыганка!

Выходит БАБЫКИН

Теперь он стройный, красивый парень.

БАБЫКИН Тана. Цыганочка... Возможны смешанные браки. Примеры есть!

ТАНА. Почему ты не заикаешься? Почему не качаешься, Валерка?

БАБЫКИН. Не знаю. Что блестит у тебя на груди?

ТАНА. Рублик. Космонавт подарил.

БАБЫКИН Он тебя никогда не полюбит. А я – навеки.

ТАНА. Убей Железные Зубы!

БАБЫКИН Ты же знаешь, кто это! Всё Дракино от него стонет!

ТАНА. *(дразнясь)* И Малые Сапожки! И Весёлые Глазки!

ВАЛЕРКА. Весёлые Глазки откупаются. Они богатые. Тем более, он сам оттудова. Тана! Это майор милиции Морин. Он творит с людьми, что хочет. Издевается ради одного удовольствия! В подвалах милиции.

ТАНА. Убей майора милиции товарища Морина.

ВАЛЕРКА. Тогда ты будешь моей, Тана?

ТАНА. Буду. Недолго.

Тана глядит на луну.

«Луна-луна моя, скройся.

Когда вернутся цыгане

Возьмут они твоё сердце

И серебра начеканят...»

Герман от неожиданности подскакивает в кустах.

ГЕРМАН. Бля!!! Вот бля!..

ВАЛЕРКА. У тебя такие чёрные глаза, Тана. И грудки у тебя маленькие. Ты дитё ещё, Тана. *(Глядит на луну).*

Герман от волнения чуть не весь уже выперся из засады.

ВАЛЕРКА. «Не бойся, мальчик, не бойся,
Взгляни, хорош ли мой танец.
Если вернутся цыгане,
Ты будешь спать и не встанешь»

ГЕРМАН. Бля! Вот бля!

ТАНА. Цыганки в 15 лет уже по два по три цыганёнка родили. А мне весь мой живот разгваздал железными зубами майор милиции товарищ Морин. Убей его!

ВАЛЕРКА. Я так люблю тебя. Мне прямо везде больно от любви. Хожу-шатаюсь. Слова застревают в груди. Я прямо умираю весь от тебя, Тана. Но я сильно боюсь майора Морина!

ТАНА. Начёрта тогда ты нужен, Бабыкин!

ВАЛЕРКА. Нет, Нет, не исчезай! Жасмин меня душит, Тана!

ТАНА. Нежный синеглазый русский. Давай танцевать твой холодный танец!

Танцуют.

Герман окончательно выперся – весь на виду. Но танцующие не обращают на него внимания. Луна – полна.

ВАЛЕРКА. Люблю, Люблю, Люблю.

ТАНА. Любовь, когда жарко?

ВАЛЕРКА. Я убью Морина!

ТАНА. Убей! Убей!

Тана целует Бабыкина в губы, тот сжимает её в объятиях.

ВАЛЕРКА. Тана. Ты пахнешь водой и травой. Немного тиной, немного песком.

Валерка кружит Тану.

После убийства меня тут не схватят. Ты придёшь ко мне в тюрьму?

ТАНА. Нет.

ГЕРМАН. Сука цыганская!

ВАЛЕРКА. Всё равно. Я даже не успею прикоснуться к тебе больше!

ГЕРМАН. Лох!

ТАНА. Всё равно! Кружи меня, Бабыкин! Я всё-таки ещё маленькая девочка. Мне нравятся карусели. Ребёнка любят кружить!

БАБЫКИН. Убийством я обреку себя на разлуку с тобой и с небом, Тана!

ТАНА. Ах, ведь я цыганка. Цыганское дитя со всеми в разлуке, Бабыкин.

ВАЛЕРКА. И руки мои будут в крови, Тана.

За спиной Германа появился майор милиции Морин. Герман страшно испугался.

МОРИН (Герману). Замри. Спугнёшь!

ГЕРМАН. Вам чего?! Вы – он?!

Морин улыбнулся. Зубы железные. Герман это увидел.

Вы – преступник. Оборотень в погонах!

МОРИН. Всё слышал? Всё видал? Свидетелем пойдёшь.

Герман переживает услышанное.

ГЕРМАН. Я доносы не пишу.

МОРИН. Замри!

ТАНА. Я твои синие глаза поцелую, Бабыкин.
ВАЛЕРКА. Это к разлуке. Ах, нет!

Тана целует Бабыкина в глаза.

ВАЛЕРКА. Я чувствую... она приближается... разлука с тобой, Тана!
ТАНА. Не грусти. Смотри, что цыганка умеет!

Тана делает «солнце» – с рук – на ноги – прыжок. Потом «мостик».

МОРИН (*вопит*) Стоять. Всем – стоять! Руки вверх!

Герман от страха присел и зажал уши.

ТАНА (*вскочив, визжит*) Это он! Железные зубы! Убей его, убей, Бабыкин! Мучитель!

Бабыкин бросается к Морину. Морин стреляет. Бабыкин бредёт к Тана, обвисает у неё на руках.

ВАЛЕРКА. Не успел. Всё равно бы потерял тебя, цыганка. (*умирает*)

Тана отталкивает мёртвого.

ТАНА. Ничего не можешь. Умереть только смог – бестолочь! (*Морину*) Ты, сволочь с железными зубами, цыгане придут и убьют тебя...

МОРИН. Не придут!

Морин стреляет в Тана.

ТАНА. (*умирая*) Цыгане не умирают, русский ты дурак.

Герман вскакивает.

ГЕРМАН. (*Морину*) Вы их убили!

МОРИН. Натюрлих.

ГЕРМАН. Вы что, больной? Вы их убили. Застрелили. Из пистолета. Совсем ёбнутый.

МОРИН. Лови!

Морин бросает Герману пистолет. Герман машинально ловит. Морин достаёт платок.

МОРИН А теперь дай обратно. Пальчики твои возьмём.

ГЕРМАН. (*изумлённо*) Да ты и в самом деле дерьмо! Вот дерьмо-то!

Герман стреляет в Морина и убивает его.

Я совсем не ожидал. Я такого никогда не видел. Господи, что теперь будет?! Кто эти люди все? А – я?!

КАРТИНА 4

УТРО В ДОМЕ ЗИНЫ

Стол, накрытый к чаю.

Зина чаёвничает. Рядом два кота.

Из открытого погреба полувылез – лёг грудью на пол и спит Герман Титов.

Андрейка спит на табурете у двери.

Дверь отлетает наотмашь. Поток солнечного света врывается. Вместе с ним – красавица-агроном ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. На ней брезентовая роба, кирзовые сапоги.

ЕЛЕНА (зычно-простуженно) Есть кто?

Слышен рокот трактора. Длинные крики баб.

ТИТОВ поднимает голову, болезненно щурится на Елену, сияющую в световом проёме.

ТИТОВ. Вы за мной?

ЕЛЕНА. Смотри кто вы!

ТИТОВ. Герман Титов.

ЕЛЕНА. Точно!

ТИТОВ. Не космонавт!

ЕЛЕНА. С приземлением вас!

ГЕРМАН. Слушать противно!

ЕЛЕНА. Зинка!

ЗИНКА. Ась? Еленушка Николаевна! (Герману) Это красавица наша, душа справедливая, хоть и строгая! Агроном наш вечноцветущий! Еленушка, гордость совхозная, ненагляда приречных деревень, к столу, не обижай крестьян!

ГЕРМАН. Эту ночь я запомню навеки. Спросите меня – почему?

ЕЛЕНА. Зинаида, бабы с утра в поле, тебя одну опять не видно!

ЗИНА. Так я ж оладушков напекла. Покушай от души, Николаевна. Со сметанкой. Сёмужкой прикусывай малосольной.

ТИТОВ. Но он, в свою очередь, убил ещё двух человек!

ЕЛЕНА. Так. Понятно. Лучкова, ты гостя своего свёклой потчевала?

ЗИНА. Окстись, агрономша!

ТИТОВ. К тому же он первый начал. Я и так чуть не рехнулся от удивления, а тут ещё и он вылез. С зубами с этими...

ЕЛЕНА. Лучкова. Воруешь, воруй. Все воруют. Ешь ты её – ешь, все едят. Наши к пестицидам адаптированные. Но ты чужих-то не трави хоть, а!

Имей совесть!! Они ж три месяца распадаются!

ГЕРМАН. Я убил майора милиции. И не жалею!

ЗИНА. Лёля, вчера поминки справили. Два покойника. Угостить надо было чем?

ГЕРМАН. Три! Плюс два... Один из них мой папа годичной давности. Один... в кумаче где-то замотался. И три на чёрной и мокрой поляне, где зло блестит река под мертвенно бледной луной.

ЕЛЕНА. Картина до боли знакомая. А прополка свёклы меж тем идёт своим чередом. Лучкова, ты как? Тебе особое приглашение, или сразу – докладную писать?

ЗИНА. Иду, иду, я разве отказываюсь! (*засуетилась*).

ТИТОВ. Подождите. Я здесь не останусь.

Герман червём выползает из погребца.

(Елене) Помогите мне встать.

Елена помогает Герману встать.

ЕЛЕНА. Вы прямо в этом и летаете? На саван похоже.

На Германе белая, до пят, рубаха.

ТИТОВ. Нет. Не в этом. А это цыганкина рубаха. А где моё- того не знаю. От «Хьюго Босс»...

ЕЛЕНА. Лучше б я на фельдшера выучилась, в городе б жила, чем в земле копать с ленивой и коварной деревенщиной.

ТИТОВ. (*неожиданно жарко*) Да, да! Это намного лучше! Убеждён, там ваш труд оценили б... (*смутно*) И правда, редкая красавица. Где я видел это лицо?

ЗИНА. У Елены высшее образование. ВУЗ.

ТИТОВ У меня тоже. Прощайте. Где тут выход? Я домой хочу.

Титов бродит по дому, оцупывая стены. Наткнулся на табурет. Проснувшийся Андрейка суетливо-угодливо подбежал и убрал табурет. Титов смотрит на освободившееся место, осторожно ставит туда ногу, вторую. Утыкается лицом в стену. Потом, тратя невероятные усилия, «Отлепляется» от стены и бредёт дальше, в поисках выхода. Андрейка, на полусогнутых семенит рядом, сочувственно заглядывая Титову в лицо.

ЕЛЕНА Короче – тракторист допился, упал, нос сломал.

ЗИНА Валерку возьмите. Валерка непьющий, парень серьёзный...

Титов тем временем, в поисках двери упёрся в комод. Пытается влезть на него. Андрейка суетливо убирает вазочки с комода. Повозившись с комодом, Титов бредёт дальше вдоль стены и доходит до дверного проёма. Но свет, резко бьющий с улицы в дом, пугает Титова, он шарахается от него прочь – к другой стене. Андрейка – за ним.

ТИТОВ (бормочет) Пожар где-то...

Титов начинается биться телом в стену. Вначале тихо, а потом всё сильнее и сильнее.

ЕЛЕНА. Валерку я б взяла, да кособокий он какой-то...

ЗИНА. В трактор залезет – кто увидит?

ЕЛЕНА. Так-то оно так...

ТИТОВ. Мама...

ЕЛЕНА. С другой стороны – трактор не танк, красоваться нам не перед кем...

ТИТОВ Можно выйти?

Титов побрёл обратно и вновь стал перед открытой дверью. Боязливо ёжась в солнечном свете, бьющем в проём, Титов обхватил себя руками.

Жжётся. Укажите мне, пожалуйста, на дверь.

Андрейка зацепился за пустое ведро, оно загрохотало, Титов увидел выход.

Титов устоялся в дверной проём. Осторожно переступил порог, будто за ним не деревенский весёлый двор, а бездна. Солнечный поток сомкнулся за ним.

КАРТИНА 5

ДЕРЕВЕНСКАЯ УЛИЦА

Титов идёт по улице.

ТИТОВ. Отец мой. Ты умер. Я целый год не верил в это. Ты пошёл погулять в поля русские, тебя укусила какая-то гадина, ты сгорел в одночасье. Летательный исход. Пока тебя в алых шелках, в чёрном бархате не положили в печь, я всё думал – встанешь. Не встал. Говорят, в крематории, от высокого огневого накала покойник садится в гробу. Сгорает сидя. Сжатие мышц. Ты просил урну с тобой не хоронить. Ты боялся под землю. Ты просил запустить её в космос. Но это очень большие деньги, отец, гораздо большие чем, на которые сжигают чужие книги. Я ещё столько не заработал, папа. Папа, я любил тебя, да, мой отец. Приходя с работы, ты, усталый, сажал меня на острые свои колени, и я думал, что ты сожмёшь меня, как пустой орех. Но ты гладил меня по голове чуть дрожащей рукой. Твои сильные узловатые пальцы. Мать тихо звала тебя ужинать. Ты спускал меня с колен, и, скрипя ремнями, устало шёл в столовую. Или тогда уже не было ремней? Портупея называется. Серый, строгий, двубортный – пистолет на крестце. Знаешь, отец, в моём доме много комнат, башен, переходов и тонкая сеть потайных комнат. Но ни одного подвала. Сплошной монолитный фундамент. Этот особенный, сладковатый и тёмный запах. Отец мой, я любил тебя! Ты восхищался дос-

тижениями нашей Родины. Ты презирал отсталый Запад. Ты был аскет. Ты знал, что я стану космонавтом. «Земной шар будет наш, сын» - говаривал ты порой. Ты по-утрам делал зарядку под громкое радио. «Это запах моей работы» - говаривал ты порой. В пять или в шесть... Сны мои! Мои чёрные океаны! Когда вы нахлынули на меня? Вы проглотили малыша. Проглотили. Совсем проглотили! Отец, успокойся, пожалуйста, успокойся! Ты в надёжном месте, в прекрасной хрустальной урне, в освещённом сейфе, в швейцарском банке. Тебе никогда не темно. И ты будешь запущен в космос. Это говорю тебе я, твой Герман Титов.

КАРТИНА 6

Дом Германа Титова. Это ново-русский, ложно-готический «замок». Окна – узкие бойницы. Витражи. Огромный, круглый зал – библиотека. Выпуклый потолок – стеклянный, от этого небесные движения меняют атмосферу в библиотеке.

Среди роскошной мебели обжита диван – развалюха.

Титов в уютном спортивном костюме лежит на диване. Книга падает из рук...

ГЕРМАН. Сейчас крикну.

Долгая пауза.

Надо же, какое дружное молчание кругом! *(кричит)* Э-э-эй!..

Эхо несётся по дому.

Титов, довольный, повернулся на другой бок, бормочет:

Вот пусть оно теперь бродит по дому. Мой голос без меня. Мой бывший крик. Я уже молчу, а он не знает – усердно бродит. Я уже думаю про другое.

Я уже снова заговорил, а он – бродит. Эхо. Оно не понимает, что существует время и воля пославшего его. Оно думает – оно мой голос. А я давно уже отрёкся от него. Я уже изменился. Постарел. Я уже даже уснул. Всё. Сплю. Эхо – ты осталось совсем одно. *(Притворяется спящим).*

Титов садится на диване.

Эхо всё звучит.

Захочу, спрячусь в потайную комнату. Когда эхо обойдёт дом и вернётся – на диване меня не обнаружит. Это будет что-то! Это будет ого-го-го!

Герман подходит к книжной полке, нажимает на рычаг, полка открывается, как дверь.

Герман прячется, полка становится на своё место.

Ослабевшее, истончённое эхо, возвращаясь обратно, обретает силу, становится женским: «Э-э-эй!!!»

Вслед за эхом входит агроном ЕЛЕНА.

Елена смотрит вверх на стеклянный потолок.

ЕЛЕНА. Ой, небо! Небо! Правда, небо! Нет, честно, небо это! Надо же, небо! А ну-ка, а вот так если... *(легла на диван и смотрит вверх)* А так облачка плывут... щекотно. Лечу я... какой простор! Прелесть! Нет! Меня застанут! *(встаёт с сожалением).* Прилично ли, что я вошла без спроса? Да разлеглась! Да загляделась в небо! Скажут – ротозейка. Нахалка. Ждать буду здесь. Он придёт, а я деловая, собранная. Говорю суховато, отрывисто. С деревенской грубоватостью.

Нервно ходит вдоль полок, рассматривает книги.

Какой начитанный человек! О, «20 тысяч лье под водой!» Моя любимая книга! Раз, два, три... пять штук! Зачем пять? А где тогда полные двадцать таких же? В честь лье? Какой неточный человек!

Елена вынимает все пять книг.

В проёме – лицо Титова.

Смотрят друг на друга.

Молчание затягивается.

Елена, не зная, как выйти из положения, ставит книги обратно, закрыв ими лицо Титова.

Неудобно как-то. Будто застала за... плохим. Ах, чёрт! Я, в конце-концов, не девочка! Я агроном, представитель совхозного руководства. (*стучит в книги*). Гражданин Титов! Можно вас на минуту!

Полка отъезжает – с обратной стороны на ней Титов. Спрыгивает. Полка становится на место.

ТИТОВ. Итак. Вы обнаружили моё потайное место! Оно было самое любимое!

ЕЛЕНА. Я не хотела вмешиваться. Я не хотела вникать. Я увидела любимую книгу в ожидании вас

ТИТОВ. Зачем вынули все пять?

ЕЛЕНА. Зачем вам пять? Я бродила. Искала. Вас нигде нет. Хотя в полях меня всегда слышно. Особенно в страду.

ТИТОВ. Вы в сапогах, а у меня паркеты.

ЕЛЕНА. Сама не заметила, как забрела так глубоко. Надеялась встретить вас у порога. Я прямо, знаете ли, с поля. В обед. Решила заскочить.

ТИТОВ. Прошу. (*Указал на кресло*).

Елена садится.

Курите. (*протягивает ей дорогую сигаретницу*).

ЕЛЕНА. Спасибо, я свои. (*закуривает «Беломор»*).

ТИТОВ. Пьёте?

ЕЛЕНА. Только водку.

Титов наливает ей водки. Себе – минералки.

ЕЛЕНА. Обожаю, когда пузырьки в стакане вьются... их 20 тыщ. Не меньше!

ТИТОВ. Желаете? Полезно для кишечника и почек.

ЕЛЕНА. Нет, я своё. (*Опрокинула рюмку, закурила*).

Титов наблюдает.

ТИТОВ. И всё же, я вас где-то видел!

ЕЛЕНА. Видели, конечно же! У гражданки Лучковой. У Зинки. Ну, черноглазая такая!

ТИТОВ. Не то! Не то!

ЕЛЕНА. Пока вы тут строились, я всегда в полях... здесь все друг друга видят.

ТИТОВ. Не то!

ЕЛЕНА. Тогда не знаю. Простите, если что не так.

ТИТОВ. Это похоже на эхо. Только наоборот.

ЕЛЕНА. (*энергично*) Как член совхозного руководства... (*прыснула*) Такое у нас руководство – смех один – я да майор Морин, старик да баба... и всё же, товарищ, я должна вас известить... вы, конечно, частное лицо, не совхозник какой-нибудь... (*с мольбой*) бульдозерист мне очень нужен! Трактористы всё ж трезвеют потихоньку, но бульдозерист – никак! Погибаем!

ТИТОВ. Я, пожалуй, тоже выпью... невзирая на язву... (*опрокинул рюмку*). И. позвольте угоститься вашими. (*затянулся*). Мой отец тоже курил «Беломор». Заметьте, не «Герцеговину Флор»!

ЕЛЕНА. И кем работал ваш родитель?

ТИТОВ. В подвале. Он больше - в подвалах. Теперь он умер. Год как.

ЕЛЕНА. Такое со всяким может случиться.

ТИТОВ. Да, он теперь под землёй. При жизни – в подвалах, а в смерти – и того ниже. Как-то всё тесновато. Темновато жил родитель. Его укусили, он умер.

ЕЛЕНА. А наши мужики все повально в горячке. Сезонных мы брать колеблемся, технику боимся, попортят. Молдоване они, что они там понимают!

ТИТОВ. Но я его очень уважал! Очень! Я всем обязан ему!

ЕЛЕНА. Кому?

ТИТОВ. Родителям, вузу, стране, бывшему комсомолу и собственному каторжному труду!

ЕЛЕНА. Тогда вы справитесь. Бульдозер такой многогранный человек освоит в миг.

ТИТОВ. Фактически всем, что я имею, я обязан себе. Он никогда не вмешивался в мой бизнес. Очень принципиальный был человек.

ЕЛЕНА. Да вы о ком, Герман?

ТИТОВ. Я всё о том же. В моём доме нет ни одного подвала. Монолитный фундамент.

ЕЛЕНА. А я потеряла нить беседы.

ТИТОВ. Я веду внутренний спор.

ЕЛЕНА. А мы – если оставим Москву без свёклы, совхоз наш признают нерентабельным. А у нас и так все пьяные. И тогда в полях наших будет не свёкла, а полынь до неба.

ТИТОВ. Вас, кажется, зовут Елена Николаевна?

ЕЛЕНА. У Зины мы с вами познакомились, Герман Титов, у Лучковой.

ТИТОВ. Как женщины лгать любят!

ЕЛЕНА (*потупясь*). Во лжи наша сила пред вами.

ТИТОВ. Отец мой ложь различал. В подвалах. На крестце у него был пистолет. Вот этот.

Открыл ящик стола, показал пистолет, положил обратно.

ЕЛЕНА. Вид оружия льстит любой женщине. В нём есть что-то опасное.

ТИТОВ. Опять ложь!

ЕЛЕНА. Да.

ТИТОВ. Оружие внушает страх!

ЕЛЕНА. О да.

ТИТОВ. Ложь! Опять ложь! Ложь!

ЕЛЕНА. О да, да! Ну что же делать с этим?!

ТИТОВ. Оружие вас возбуждает. Я вижу по вашим серым глазам это.

ЕЛЕНА. Я лгу беспрестанно.

ТИТОВ. Вам нужен был повод придти ко мне.

ЕЛЕНА. О да!

ТИТОВ. Вы придумали самый дурацкий повод, что в голову взбрело – про бульдозер. Вернее, вы не удосужились ничего пристойного подобрать для визита. Откуда такая самонадеянность?

ЕЛЕНА. Я сирота. Мне не с кем было посоветоваться. Когда я шла к вам по тропинке через поле, я всё-таки немного робела. Бабы на грядках окликали: Елена Николаевна, куда вы? Но я не отвечала. Махну им рукой, мол, обед, а сама иду. К вам. А сердце так бьётся: и сомнения, и робость, и голова болит.

ГЕРМАН. Вы? С вашей красотой? И вы как будто бы не знаете, что вам всё дозволено? Ведь знаете? Знаете?!

ЕЛЕНА. Да. Я знаю.

ГЕРМАН. И эта кирза. Эта роба. Выгоревшие на солнцепёке кудри. Ветер их разметал, и она не причесала их, идя сюда. Всё так продумано. Травинка вон прилипла к сапогу.

ЕЛЕНА. Я не замужем. Совсем. Я одна лежу в лугах.

ГЕРМАН. Ну так бери же меня! Мучь, терзай, рви, доводи до истерик и слёз, прекрасная агрономша! Смейся надо мной! Весь я – твой!

ЕЛЕНА Я так и знала! Я так и знала! Ты отзовёшься, внешность обманчива, а сердце отзывчивое! Ты очень хороший человек, Герман Титов.

Бульдозер наш в прекрасном состоянии!

ГЕРМАН. Ложь упорствует. Но ты без этого не можешь. Ну хорошо, Елена Николавна, я принимаю вызов. Причина вашего визита?

ЕЛЕНА. Июльским предгрозовым полднем ты спрашиваешь прекрасную женщину о причине её визита?

Свет меркнет.

Гроза. Потoki бьются о стеклянную крышу и кажется, что помещение в воде.

ТИТОВ. *(Как будто издалека)* Когда льёт, я как будто на дне океана.

ЕЛЕНА. Возьми меня!

* * *

Стеклянный потолок библиотеки освещается молниями и тогда видна библиотека и происходящее в ней.

На ручке дивана сидит обнажённая ЕЛЕНА и ест персик. ГЕРМАН в трусах смотрит на неё.

ГЕРМАН *(сквозь шум дождя)* Хочу слизать сок персика с твоих ключиц.

Елена с готовностью разводит руки в стороны. Герман слизывает сок с её ключиц, поднимаясь к шее...

Елена успевает быстро откусить от персика и жуя, вновь разводит руки в ожидании ласк. Герман отходит.

ГЕРМАН. Теперь скажи, зачем ты приходила?

ЕЛЕНА. *(Смотрит вверх)* Вода не проломит стеклянную крышу?

ТИТОВ. Нет. Не знаю.

ЕЛЕНА. Правда же, мы с тобой как будто на речке? Ведь похоже, да?

ГЕРМАН. Ты знаешь... Ты тоже там была!

ЕЛЕНА. Где, любимый?

ГЕРМАН. На речке. Всё объяснилось.

ЕЛЕНА. У нас речек две. Синичка и Банечка.

ГЕРМАН. На той, где чёрная поляна. Осока высока и режет ноги. И бледная над всем луна.

ЕЛЕНА. Синичка. Нет, моя радость. Я не была там. Детьми мы там ловили раков летними ночами. Жгли костры. Пели. Мой первый поцелуй остался где-то там.

ГЕРМАН. Но сейчас-то зачем лгать? Или в этом особая тайная радость? Лёгкий зуд, возбуждающий кровь? Ложное ощущение превосходства? Ведь ты видишь, я сдаюсь! Я готов на всё! Я не прячусь, не отпираюсь, как бы делал это злобный гном, гоняемый в подвале. С кровавой пеной на губах я не визжу, спасая шкуру. Я говорю тебе твёрдо: Синичка, луг, луна.

ЕЛЕНА. А вот что, Герман Титов! Пока что всё выходит, как ты хочешь. Не так ли? Папа мне говорил – сильный и опасный этот Герман Титов.

ГЕРМАН. Твой отец? Кто он?

ЕЛЕНА. А ты как думаешь? Майор милиции товарищ Морин мой родитель.

ГЕРМАН. Всё, что угодно... всё, что угодно... но не это!

ЕЛЕНА. Это!

ГЕРМАН. Елена, я так хотел тебя любить!

ЕЛЕНА. Возьми меня скорее. Пока ночь гремит июльской грозой. Возьми меня, Герман Титов, я твоя!

ГЕРМАН. Люблю тебя!

ЕЛЕНА. Люблю тебя!

ГЕРМАН. Назло судьбе.

ЕЛЕНА. Судьбе навстречу!

Вспышка молнии и тьма.

*Светает. ЕЛЕНА одна. Германа нигде нет.
Елена, потягиваясь, встаёт с дивана.*

ЕЛЕНА. Гера...яшенку хочу с колбаской и чаю с молоком! Смотри, солнышко!

Встаёт, нагая, под потоки солнца.

Как же я тебя люблю, солнце моё! Одно ты знаешь, что мы вместе можем сотворить. (Поёт)
«Я роза среди роз, сказала роза.

– Ты роза среди роз?
– Я роза среди роз.
– Ты роза среди роз, но где примета?
– О, мой июль, о, сердцевина лета,
Солнце, солнечная погибель.

Только что прибывало лето,
Уже на убыль.
Кровь черенков моих примета».
(*Стихи Евг. Харитонова*)

(грустно) Солнце моё, ведь у меня диплом с отличием, а специальность ботаник- селекционер. *(Бодрясь)* Но мне и агрономом неплохо! Ведь правда, солнце моё? Чу! Какой-то шорох. Так не ходят добрые люди!

Елена, озираясь, на цыпочках подходит к дивану, надевает наспех кожаную куртку Германа, перетягивает её ремнём. Потом вспоминает про пистолет. Прыжок – и пистолет пляшет у неё в руке. Оставаясь голоногой, голозадой, чутко крадётся.

Выходи!

Мелкий, убегающий топоток, как будто дети или гномы разбежались.

Любимый, я спасу тебя! Не знаю, кто это – но я их застрелю!

Елена резко наставляет пистолет во все стороны. Но в зале тихо, льётся солнце...

ЕЛЕНА. Почудилось, наверно. (Слегка сердясь) Но где же Герман? В магазин пошёл? Или утренняя пробежка? Буду ждать здесь. Где курево моё? (суёт руку в карман куртки Германа и... достаёт железные челюсти). Зубы майора! А он их обыскался! Перемалывает пищу дёснами. Какие, однако, злые шутки! Пожилой человек майор Морин никогда уже не накопит на новые зубы! Новым русским этого не понять. Некрасиво, Гера! Жестоко. Как они блестят, право!

*Елена надевает железные зубы, смотрится в зеркало.
Входит ГЕРМАН с покупками: молоко, хлеб, яйца.*

ГЕРМАН. Какой у тебя миленький задик!

*Елена оборачивается, оскля железные зубы, наставя на Германа пистолет.
Герман роняет продукты.*

(в ужасе) Отец?! Но в чём моя вина?! *(Убегает)*. Я не гном! Я твой сын! Сын тебя и Родины! Летать не смог!

ЕЛЕНА. Стой, предатель! Всё ясно с тобой! *(Бегает, ищет Германа)*. «80 тысяч лье под водой!» И там найдут несбывшегося летуна!

Елена обыскивает зал.

Находит множество потайных комнат.

Но Германа нигде нет.

Устав от поисков, Елена ложится на диван, вскидывает глаза и... на стеклянной крыше лежит Герман. Над ним небо. Герман будто бы летит в небе.

Елена медленно встаёт.

Ты в небе, Герман? Ты летишь, сынок! Как тебе видно весь шар земной? А нашу Родину видеть тебе с высоты? *(помолчав)* Но отчего ты смотришь так пристально?.. Так пытливо... как собака в руках лаборанта? Я понял! Ты обманул меня! Ты разбил мои надежды! Ты наврал! Ты не космонавт! Ты не Герман Титов! Получай!

Елена стреляет вверх.

В дожде стекла рушится к её ногам ГЕРМАН.

Елена осторожно подходит к нему, садится на корточки, вынимает изо рта железные зубы, кладёт их в карман. Глядит на Германа.

В июльский душный полдень предгрозовой внезапно смеркается. И всё затихает в ожидание первых ударов. Не пускай же к себе, не пускай в такие опасные дни, не пускай на порог мало-знакомых красавиц! Пережди грозу...

Елена падает на Германа и плачет.

Но я люблю тебя, Герман. Я люблю тебя! Ты погубил меня, ты разбил сердце неприступное моё! Была я агроном, а кем я стану теперь, ради тебя, любимый мой?!

Само звучит эхо: «Э-э-эй»...

Смеркается.

КАРТИНА 7

Заброшенный, разломанный и заросший дом Зины ЛУЧКОВОЙ. По битым стёклам хмуро бродит агроном ЕЛЕНА НИКОЛАВНА. Кирза. Брезентовая роба. Руки в карманах. Входит ГЕРМАН.

ГЕРМАН. О Господи!

ЕЛЕНА *(кричит)* А я что могу?! Я уже начальству плешь проела – когда расчистите мне землю? Черти! Вон, Малые Сапожки сломали, а ты мне скажи – на хрен? Они всё равно на болоте стояли! А здесь... вот с этого места начать... и всё Пяткино снести. Всё равно людям жрать нечего! Вы из какой комиссии?

ГЕРМАН Я человека ищу! Зину Лучкову такую! Знаете?

ЕЛЕНА. Лучкова... Лучкова... а чёрт его знает! Нету здесь таких! И в Малых Сапожках, точно, не было! Может, в Петухово? Я Петухово, а, чёрт, порезалась! плохо знаю Петухово я!

ГЕРМАН. Почему вы кричите?

ЕЛЕНА. Потому что здесь поле! Потому что здесь ветер!

ГЕРМАН. Мы стоим в доме.

ЕЛЕНА. Где – дом?

ГЕРМАН. Был...

ЕЛЕНА. Я извиняюсь. Привычка орать. В поле наорёшься за день. *(Опять набирает воздух в лёгкие)* бульдозерист у нас сволочь, валяется в дымину! И так-то башкой слабый, а тут даже не мычит! Я его умоляю – Валерка, сволочь такая, бульдозер ты бросил на дороге прямо... и дом этот целый стоит.

ГЕРМАН. Зачем?

ЕЛЕНА. *(нормальным голосом)* Я здесь розарий разобью. Вместо деревни Пяткино. С этого места решила начать.

ГЕРМАН. Зачем?

ЕЛЕНА. Я розы очень люблю.

ГЕРМАН. Елена, где Зина? Зачем карнавал этот?

ЕЛЕНА. *(приспально)* А вы, вроде, на лицо... знакомый. Не артист?

Герман опустился на венский стул. Упал.

ЕЛЕНА. Ноги считай, а-то всю жизнь будешь падать.

Герман поднимает стул, тот трёхногий.

ГЕРМАН. Я же всё равно всё узнаю! Где Зина Лучкова? Где Андрейка? Где трупы?

ЕЛЕНА. Не знаю я таких! Не знаю! Бульдозерист – сволочь! Валерку знаю! Вот его я знаю! Он самая сволочь – всю дорогу не просыхает, а ему эту халупу сносить ко всем чертям! Ну где я тебе возьму бульдозериста?

ГЕРМАН. Я здесь был вчера! Все здесь были! И ты... была. Не отпирайся.

ЕЛЕНА. Да ладно, что там вспоминать! Зато увидишь со своих высоких окон красоту вместо деревни этой долбанной! Розы увидишь!

ГЕРМАН. Не хочу!

ЕЛЕНА *(недоверчиво)* Цветов не хотите?

ГЕРМАН. Я передумал. Я хочу, чтоб все вернулись. *(вопит)* Где хотя бы коты? Коты где?!

ЕЛЕНА. Что, кошек любите? Одинокий, значит. *(преображаясь)*. Пшеничкина. Елена Николаевна. Можно просто Лена.

ГЕРМАН. Герман.

ЕЛЕНА. Титов.

ГЕРМАН. Ну, слава Богу. Теперь рассказывай, что случилось.

ЕЛЕНА. Скажите, вы не родственник космонавта. Германа Титова?

ГЕРМАН. Умоляю тебя! Прекратить всё это! Сердце моё разрываешь!

Пауза.

Слышна пьяная песня.

Песня приближается.

Елена просияла.

Входит ВАЛЕРКА БАБЫКИН.

Живой?! А, ты был просто ранен! Господи!

ВАЛЕРКА. Здрасьте вам!

ЕЛЕНА. Здравствуй, сволочь Бабыкинская!

ВАЛЕРКА. *(заикаясь)* А-а... я у-уйду ка-ак! Не ругайте меня и всё!

Валерка рухнул на трёхногий стул, с которого недавно упал Герман. Но Валерка чудесно, твёрдо сидит на нём.

Герман взволнованно заглядывает под стул, считает ножки, пробует выбить стул из-под Валерки. Но Валерка без видимого усилия удерживается на стуле и не понимает недоумения Германа, он тоже заглядывает под стул, но ничего интересного там не находит.

ГЕРМАН. Может, я вчера так напился!

ВАЛЕРКА. Уважаю! Мужик! Елена Николаевна, разрешите нам опохмелиться?

ЕЛЕНА. А, чёрт с вами, черти!

Елена рукавом робы смахивает мусор со стола, ищет по избе, находит три стакана.

Потом Елена шарит по избе и находит бутылку водки.

Здесь вся пяткинская сволочь собирается, я ихние заначки все знаю!

ГЕРМАН. Как это? А Зина?

ВАЛЕРКА *(горланит)* Резиновую Зину купили в магазине! Резиновую Зину в корзине принесли!

ЕЛЕНА. Заткнись!

ВАЛЕРКА. Молчу.

ЕЛЕНА. И молчи.

ВАЛЕРКА. И молчу.

ГЕРМАН. А если сволочь, зачем были занавески, коврик, поминки эти виноградные? Нет, здесь жили, жили, вчера ещё! Зина Лучкова! И цыганка! И Андрейка, дедушка странный.

ВАЛЕРКА. Цыгане в Петухово живут. Два дома. Васильевы. И Поповы.!

ГЕРМАН. ТаА! ТаА! Ты знаешь, Бабыкин!

ВАЛЕРКА. Я и у цыган, и у чурок водку не беру. Клянусь.

ЕЛЕНА. Налито!

ГЕРМАН. У Смоложуя брали?

Оба уставились на него.

ЕЛЕНА. Я извиняюсь, я тогда вообще не понимаю.

ВАЛЕРКА. Я тоже.

ЕЛЕНА. Славка Смоложуй только своим продаёт.

ВАЛЕРКА. *(Титову)* Ты за кого?

ГЕРМАН. Может, я не напился? Я обкурился? Но я же не курю траву? Может, я наркотик принял? ЛСД? А где я его взял?

ВАЛЕРКА. У Смоложуя!

ГЕРМАН. Я его даже не знаю! Не видел!

ВАЛЕРКА. Его все знают! У него всегда есть. «Столичная», Кристалловская.

ЕЛЕНА. Как вы мне надоели! Обои в бреде каком-то. Чё-ёрт! *(Опрокидывает рюмку)*. Травлюсь прямо с вами, черти!

ТИТОВ. А сейчас ты закуришь «Беломор».

Елена закуривает «Беломор».

ЕЛЕНА *(Холодно)* Не любите курящих женщин?

ГЕРМАН. Чёрт! Чёрт! *(выпивает)* Ужрусь. Тогда пойму.

ВАЛЕРКА. Давай вместе?

ЕЛЕНА *(вопит)* Вы мне бульдозериста не спаивайте! Он только просыхать начал! Ему эту халупу сносить срочно!

ТИТОВ. Пей, Валерочка!

ВАЛЕРКА. Спасибочки. *(Пьёт)*

ЕЛЕНА. Вот гады! *(Тоже пьёт, потом плачет)*. О Господи, я так хотела роз! Вообще-то я по диплому – фельдшер, а сейчас агроном. Но тайно и неотступно всю свою жизнь тянуло к розам. Бабыкин, сволочь, исполни мою мечту – снеси халупу.

ВАЛЕРКА. Щас...

Валерка старается подняться из-за стола.

ТИТОВ. Нет, Валерик, сиди. На, выпей.

ЕЛЕНА. Умоляю!

ТИТОВ. *(непреклонно)*. Пей.

Чокаются с Валеркой

ВАЛЕРКА. Не плачьте, Е. Н., я всё для вас сделаю!

ЕЛЕНА. Что ты сделаешь для одинокой женщины? Пьянь ты непросыпная! Только что бульдозерист!

Елена встаёт, подходит к Бабыкину, уронившему голову на стол. Елена хватает его за волосы и запрокидывает ему голову так резко, что Бабыкин хрипит. Помедлив, смачно и длинно целует его в засос.

ГЕРМАН. Сука! Убью!

Герман вскакивает, бросается на Елену, но мешая стол. Бабыкин, наконец, падает с трехногого стула.

Дрянь! Тварь бездушная! Убью тебя!

Елена хохочет.

Смеркается.

КАРТИНА 8

Дом Зины. Прежнее убранство.

Накрытый стол со снедью и водкой.

За столом сидят: ЗИНА, АНДРЕЙКА, ТИТОВ, ЕЛЕНА, ТАНА, БАБЫКИН.

...ЕЛЕНА продолжает хохотать.

ТАНА сидит на коленях у ГЕРМАНА. Робко жмётся к нему, трётся головой о грудь его, снизу заглядывает в лицо. Герман, сдерживая брезгливость, терпит. Тана запрокидывает детские руки, браслеты, звеня, скатываются к плечам. Тана пытается обнять Германа.

ГЕРМАН (*возмущённо*) Ты что, без трусов?! Это же... негигиенично!

*ТАНА пулей улетает на лавку, забивается в угол, грызёт свои бусы.
БАБЫКИН падает со стула.*

ЕЛЕНА. Стул трехногий! (*Хохочет с новой силой*).

ТАНА. Дурак! Непристойный человек! (*Указала на Титова*). Он цыганочке обидное сказал!

ГЕРМАН. Ничо, перетопчешься!

Тягостное молчание.

(Зине, оправдываясь). Она Лорку знает!

ЗИНА. Какую Лорку?

ТИТОВ (*Мрачно*) Бабыкин тоже знает.

ЕЛЕНА. Какой с него спрос? Он же под стол упал!

ТИТОВ (*Елене*) А тебя я ненавижу!

ЕЛЕНА. Как человека?

ТИТОВ. Как любовницу!

Неловкая пауза.

Мне плевать, что вы все думаете! Я говорю то, что считаю нужным!

АНДРЕЙКА. Я тоже. Значит, в прошлом веке один раз иду я. Короб полный: ленты, ситцы, булавки, румяна, сурьма...

ТИТОВ. А что-нибудь весёлое, радостное, было в ваших «прошлых» веках?

АНДРЕЙКА. Было.

ТИТОВ. Что?

АНДРЕЙКА. Пушкин.

ТИТОВ. Хамство.

АНДРЕЙКА. Почему?

ТИТОВ. Скажешь, и Пушкина видел?

АНДРЕЙКА. Видел.

ТИТОВ. Ну и что он тебе сказал?

АНДРЕЙКА. Ну, как... вот видишь, я колосок-то сорвал с голодухи, не углядел, что барин пешим ходом гуляет. Прямо обмер весь. Шапку заломил, стою. Проходит, глянул, засмеялся... «Здравствуй, милый», я смотрю – а он Пушкин!

ТИТОВ. А чего это он засмеялся?

АНДРЕЙКА. Так смешливый был барин, Александр Сергеевич, его эта... чуть не дурачком почитали, юридиком кудреватым.

ЗИНА. Недоступный.

ТИТОВ. Каждый шаг, каждое слово А.С.Пушкина зафиксировано историей, а тут какой-то паршивый старикашка на себя напяливает встречу с ним и целое: «Здравствуй, милый!»

АНДРЕЙКА. Точно. И засмеялся.

ТИТОВ. Но почему он засмеялся?

АНДРЕЙКА. Можно по новой рассказать. Значит, в том веке иду я среди ржи... (*запел, перевирая*) «Распряись, ты, рожь высокая, тайну свято сохрани!»

ЗИНА. Точно! (поёт) «Как увижу черноглазую...»

ЕЛЕНА (*подхватывает красивым голосом*) «Сразу замуж выхожу»

ТИТОВ (*пробует переорать их*) Наврали! Слова переврали!

ЗИНА. А как надо?

ТИТОВ (*поёт правильно*) Вот как!

ЗИНА. Спиши слова!

ТИТОВ (*хмуро*) Вы их и так знаете.

ЗИНА. Тогда зачем пел, как дурак?

Герман долго смотрит на Зину.

герман. Какие чёрные глаза. Как мои океаны. Из снов моих жутких. Я пришёл...

АНДРЕЙКА. В каком веке?

герман. Уже не знаю. Зина, я пришёл купить ваш дом за 3 тысячи рублей. Обмануть вас. Вы деньги взяли, потратили. Теперь дом мой, я его хотел сломать, чтоб простор видеть. Но я вас умоляю – я передумал!

ЗИНА (*грустно*) Мы такие люди, милый Тит, мы с полнаме́ка понимаем. Мы уходим, если кому надо.

ТИТОВ. О нет, я не хочу прощаться!

АНДРЕЙКА. Я тоже!

ТИТОВ. Я некоторых тут... ненавижу. Но пусть всё остаётся, как было..

ЗИНА (*сурово*) Не положено. По закону.

Врывается МОРИН.

ТИТОВ. Это он! Он стрелял в них! Видимо не попал! А я в него... и тоже промахнулся!

МОРИН. Это кто у тебя, Зина, психованный такой?

ЗИНА. Это гость, товарищ Каморин.

МОРИН. Зинаида, в ноги тебе валюсь, началось уже...

Майор МОРИН протягивает рулон ткани, завёрнутый в бумагу.

ЗИНА. Положь и сядь. Рано ещё. За подарок – спасибо.

МОРИН. Как рано? Зин? Воды отошли! Рожает дочка, орёт!

ТИТОВ (*Елене*) Это ты? Рожаетшь.

Елена передёрнула плечами, отвернулась.

МОРИН. Ты же знаешь, она тяжело родит. Ты же двоих у ней принимала!

ЗИНА. Вот жизнь! Тут поминки, там – роды, а отдых мой заслуженный – где? Сказано тебе – рано ещё. Он ножкам пойдёт и пуповиной замотается.

МОРИН. Делать-то чего?!

ЗИНА. Посиди пока с нами. Чего я даром пойду, если рано ещё? Головой подумай!

МОРИН. Это тебе рано. А я отец! Дед.

ТИТОВ. Товарищ майор, а это вы видели?!

ТИТОВ достал железные челюсти.

ЦЫГАНКА ТАНА страшно закричала, зарылась в тряпки.

МОРИН. *(отодвинув челюсти)* Мне не надо, у меня свои. *(медленно встаёт)*. Так. Зинаида. Цыганка у тебя – чьих?

ЗИНА *(лебезит)* Васильевых!

МОРИН. Не Поповых?

ЗИНА. Васильевых! Товарищ майор!

МОРИН *(тяжело садясь)* А-то Поповы опять криминал развели. Ты смотри, Зинаида, если девчонка Поповых, я её – в участок, там в миг разберутся.

ЗИНА. Да на кой ляд мне Поповы твои, товарищ Каморин? Приболела цыганочка, я её травкой попою да и выпущу... тебе-то что?

МОРИН. Цыгане – лживый народ, обманчивый.

ТИТОВ *(тоскуя)* Не знаю я, чьи это челюсти. Не ответчик я за них, не ответчик. *(Елене)* И ты, любовь, так страшно лицо своё меняешь, так коварно. Горю я, горюю.

ЗИНА. Теперь пора!

МОРИН. Ну, слава Богу, сжалилась.

ЗИНА. Зарина, тазы готовь, воду ставь. Светозар, окна затворяй. Темноход, имя ищи. Камори, заткни свою глотку и не пугайся под ногами. Милава, роди сына.

КАРТИНА 9

ВНУТРИ.

ЗИНА. *(Титову, ласково)*. Остуды просишь, родной, охлады?

ТИТОВ. Жарко.

БАБЫКИН *(закрывая окна)* Милава, цыганку куда девать?

ЗИНА. Отпусти с миром, Светозар. Чужой народ. Тёмный.

БАБЫКИН. Иди себе, иди домой. К своим иди. Тебе нельзя здесь.

ТАНА *(уходя, Бабыкину)* Дяденька, дай денюжку.

БАБЫКИН. На вот, возьми себе рублик.

ТАНА. Ребёночку моему на молочко.

Тана уходит.

ТИТОВ. Верните окна! Ещё жарче мне! Задохнусь сейчас!

Зина встаёт в полный рост.

ЗИНА. Тихомир!

АНДРЕЙКА. Вот тебе перёд, вот – зад, вот – поперёк, вот – по вдоль.

Андрейка раскатывает рулон Морина по избе на 4 стороны. Это длинные полотна кумача.

ТИТОВ. Горю! Сгораю!

ЗИНА. Зарина, помогай, помогай Милаве... *(тяжело дышит)*.

ЕЛЕНА. Я здесь, Милавушка, ты дыши не сильно, вот я тебя поглажу, вот успокою.

Елена подводит Титова к Зине. Нажимает на плечи, тот становится на колени. Зина прижимает его лицо к своему животу.

ЗИНА. Ой, не могу терпеть! Мама моя родная, ой, бабы-женщины, да как же вы такое терпите!

ТИТОВ. Тьма... океаны снов моих. *(вцепляется в Зину)*. Я тону в чёрных океанах...

Титов, цепляясь за Зину, поднимается, плотно прижавшись к ней всем телом.

ЗИНА. Ой, толкается, ой, не хочет идти. Пуповиной обмотался. (плачет) Помрёт моё дитя.

ЕЛЕНА. Не помрёт, Милавушка. Ножками вперёд идёт дитя твоё. Сына родишь, терпи, милая.

Елена обматывает полотенцем кумача Титову и Зину. Они – как одна мумия.

ЗИНА. Зарина, Зарина, держи меня за руку, я кричать буду.

ЕЛЕНА. И кричи, Милавушка, ором ори, милая.

Крик роженицы. Потом плач младенца.

Затемнение.

ЗИНА. Тихомир! Имя!

АНДРЕЙКА. Милава, шепну имя на ухо, а для людей пускай будет Герман Титов. Для смеху! Для путаницы. Для ложной славы. Для трудного пути. Для тайной боли. Для дальнего света.

ЗИНА. Быть по твоему, Тихомир. Прости-прощай. Герман Титов, уходим мы...

ЭПИЛОГ

Роскошная зима. Московский бульвар. Деревья блистают снегом и гирляндами огоньков. На детской площадке – новогодняя ёлочка медленно вращается, будто танцует.

ГЕРМАН ТИТОВ лежит на лавке в позе эмбриона. Его уже стало заносить снегом. Ночь.

Подходят ФЕЛЬДШЕР и САНИТАР.

ФЕЛЬДШЕР (Елена) Жмур. Пятый за ночь. Вот любят они в праздники умирать!

САНИТАР (Бабыкин) Елена, ты проверь, может есть жизнь.

ФЕЛЬДШЕР Слушай, Бабыкин, не стой над душой! Кто фельдшер?

САНИТАР. Ты.

ФЕЛЬДШЕР. А санитар?

САНИТАР Я.

ФЕЛЬДШЕР (обследует тело ТИТОВА) Если и есть в нём жизнь, нам уже до неё не достучаться. (Озирается) Красиво как! Как думаешь, ангелы есть?

САНИТАР. Сегодня – есть. А вообще – не знаю.

ФЕЛЬДШЕР. Стой-ка. (склоняется над лицом Германа).

САНИТАР (испуганно) Ты чего?

ФЕЛЬДШЕР (целует Германа в губы) А что?

САНИТАР (в ужасе) Это извращение, Елена. Забыл, как называется! Тебе всё! Тебе на природу пора! С этой работы.

ФЕЛЬДШЕР (насмешливо) Ага, агрономом в полях на просторе! Умник ты, Бабыкин! (закрывает Герману глаза) Губы сладкие.

САНИТАР. Ну что, паковать, что ли?

ФЕЛЬДШЕР. Пакуй. Нет, стой!

Фельдшер вновь склоняется над Германом, прислушивается.

Потом Елена засмеялась, махнула рукой...

САНИТАР укладывает ГЕРМАНА в чёрный пластиковый пакет, задёргивает молнию.

ФЕЛЬДШЕР. Стой!

САНИТАР (заикаясь) Бо-ольше не по-ойду с тобой в одну смену!

ФЕЛЬДШЕР (смеясь) Знаешь, что он сказал?

САНИТАР. Как это «жмур» - и сказал?

ФЕЛЬДШЕР. Он сказал, что офени ушли.

САНИТАР. Откуда ты знаешь?

ФЕЛЬДШЕР. Если нажать на груди́ну, последний воздух выходит из лёгких и слова получают́ся.

САНИТАР. Давай и мы пойдём. Закрываю? (Тянет молнию на лицо Германа). Чё это снежинки на нём тают, если он умер, не до-олжны таять.

ФЕЛЬДШЕР (*зычно*) Взались! Дружно! Держи, не роняй!

ФЕЛЬДШЕР и САНИТАР несут мешок с телом Германа.

ФЕЛЬДШЕР. Слышь, Бабыкин, наша смена кончается. Давай хоть посидим, как люди, Рождество хоть отметим.

БАБЫКИН. Ленка, я «Столичную» ещё с того раза берегу! Уберёг!

ФЕЛЬДШЕР. И всё ж таки я его где-то видела...

Уходят. Уходящих замечает метель.

Мигают гирлянды на деревьях. Рождество.

З А Н А В Е С